

Рец.: *Horrocks G. C. Greek: A History of the Language and its Speakers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010 (2-nd ed.). — XX + 505 p.*

Первое издание труда Джеффри Хоррокса, опубликованное в 1997 г. (London: Longman, 1997. — 393 p.), было воспринято научной общественностью как переломное исследование, в котором широко использован диахронический подход к изучению как разговорной, так и письменной форм греческого языка. Оно содержало огромное количество цитат на оригинальном языке текстов, которые, как показала практика, будучи необходимым атрибутом качественного научного исследования, все же оттесняют главную тему работы, а именно — результаты и следствия ранней стандартизации и последовательного установления такого явления греческого языка, как диглоссия (с. xv). Эта проблема была решена автором в настоящем (втором) издании, которое содержит достаточное число поправок (некоторые из них довольно существенны) и по содержанию, и по структуре, и в отношении библиографии.

Отличная с точки зрения своей организации рецензируемая книга начинается с краткого введения (с. 1–5), в котором автор раскрывает цель написания этой книги и ее предмет. В силу того что исследование охватывает большой исторический период (фактически три тысячелетия), автор использует традиционный подход к периодизации истории греческого языка, основывающийся на социально-политической истории Греции. Такой подход помогает ясно представить греческий язык, во-первых, как фундамент европейской языковой культуры, во-вторых, как язык самой длительной письменной традиции, изучение которой заложило основы европейского языковедения, и делит весь корпус книги на три приблизительно равные по величине части. Первая часть посвящена античному периоду греческого языка (с. 7–188), вторая — византийскому (с. 189–369) и третья — современному (с. 371–470). Преимущество предложенной системы заключается главным образом еще и в том, что позволяет рассматривать греческую культуру как единую и непрерывную в своем историческом развитии целостность.

По сравнению с первым изданием настоящее имеет некоторые существенные дополнения. Так, в первой части больше внимания уделяется античным диалектам и литературным нормам («standards») классического греческого; вторая часть дополнена ссылками на новые источники и примерами из литературных памятников, как то: Феофилакт Симокатта¹ (с. 223), Михаил Гермодор Критовул² (с. 240–242), Иоанн Малала (с. 246); в третьей части появляется абсолютно новый раздел, посвященный существующей в настоящее время письменной традиции греческого (с. 466–470). Как указывает сам автор (с. 4), греческий язык в этой книге рассматривается во всех его формах и проявлениях: письменный и устный, народный и литературный; и это определено так. Принимаются во внимание как социальные и исторические обстоятельства, так и языковые изменения, которые оказали влияние на развитие языка и его носителей. Дж. Хор-

¹ Византийский писатель и историк начала VII в.

² Византийский историк XV в.

роксу удалось не только суммировать, снабдить примерами и объяснить те или иные основные языковые явления, но и дать ясное представление о языковой ситуации в различные периоды существования греческого. Каждая часть этой работы предваряется обстоятельным введением, в котором описывается исторический бэкграунд того или иного периода развития языка с указанием политических, социальных, религиозных, культурных явлений этого времени, что позволяет читателю глубже погрузиться в контекст, прояснить и понять языковые реалии.

В предисловии к новому изданию Дж. Хоррокс описывает методы, которыми он пользовался при переработке первого издания, и указывает две новые основные задачи, которые он поставил перед собой и которые считал для себя наиболее приоритетными, — качественно улучшить раздел по средневековому периоду греческого языка и расширить главу по диалектам древнегреческого³. Последняя задача «возникла» перед исследователем по причине того, что, как он указывает в предисловии (с. xvi), филологи-классики были разочарованы тем обстоятельством, что в работе мало внимания уделяется особенностям местных наречий древнегреческого языка. Однако же понять, почему в издании 1997 г. Дж. Хоррокс не стал подробно и отдельно рассматривать каждый диалект, нетрудно: целью книги было проследить историю лишь одного, главного, диалекта — аттического, представляющего собой рано обособившийся диалект ионийской группы и игравшего роль общегреческого языка в высших сферах коммуникации как в политической, так и в культурной истории Греции, начиная с V в. до н. э. Однако в издании 2010 г. автор принял во внимание это замечание и значительно расширил главу первой части, посвященную диалектам древнегреческого языка (гл. 1 первой части «*The Ancient Greek Dialects*» — с. 9–42; первоначально эта глава занимала не более 14 страниц), что оказалось весьма удачным, поскольку позволяет читателю получить более широкое представление о значении аттического диалекта в античности и служит превосходным введением как в историю греческого языка вообще, так и в историю древнегреческой диалектологии.

Во второй части (она содержит шесть разделов), которая определена историческими границами от Константина I Великого и до Мехмеда II Завоевателя (Фатиха), автор формулирует основные особенности литературного греческого языка в византийский период, которые он характеризует общим понятием «византийский атикизм». Этот византийский атикизм Хоррокс рассматривает не как слепое, рабское подражание классикам, а как подтверждение важности для византийцев сохранения и продолжения культурной традиции (с. 213), начало которой положено в античности и которая находилась под угрозой воздействия извне. Хоррокс напоминает своему читателю, что достижения Византии не следует пренебрежительно сравнивать с лучшими образцами античности ни в отношении литературы, ни в отношении языка текстов. Автор указывает, что специфика языковой ситуации в среднегреческом периоде состояла в сохранении в письменной речи (сначала в большей, а затем в меньшей степени) норм

³ В предисловии Дж. Хоррокс также указывает, что за несколько лет до выхода в свет второго издания был сделан перевод этой работы на новогреческий: *Horrocks G. C. (Staurou M., Tzebelekou M., ed.) Ελληνικά: Η ιστορία της γλώσσας και των ομιλητών της*. Athens, 2006

литературного языка аттического периода (т. н. литературное койне) и в развитии устного разговорно-обиходного языка, который стал основой для новогреческого («classicizing/literary» and «popular/spoken» — с. 230). Разбирая проблему диглоссии в Византии, автор особенно подчеркивает тесное взаимодействие противостоящих друг другу традиций греческого языка письменного литературного и устного народного.

В третьей части («От Османской империи до Европейского Союза»), содержащей пять разделов, анализируется развитие греческого языка в период после османского завоевания Константинополя, влияние турецкого языка на греческий, которое выразилось прежде всего в необходимости грекоязычного населения Османской империи усваивать и осваивать турецкий тезаурус. Автор утверждает, что за исключением центральной и восточной Анатолии, где культурное влияние турецкого было сильнее и исторически началось раньше, чем в западных грекоязычных регионах, в остальных областях заимствования в греческом по преимуществу сводятся к лексическим, причем в основном это касается существительных и прилагательных, а не глаголов (с. 379–381), и приходит к заключению, что турецкое господство не оказало значительного влияния ни на греческую культуру, ни на язык.

В этой части автор описывает разговорные диалекты греческого и делит их на восемь групп: а) понтийский, б) юго-восточный, с) крито-кикладский, d) пелопонесско-гептанезийский, е) цаконский, f) староафинский, г) северный, h) южно-италийский. Автор говорит, что именно влиянием указанных территориальных диалектов обуславливается вариант литературного койне (южные диалекты Пелопоннеса явились основой новогреческого койне). Большое внимание автор уделяет также и истории оппозиции двух основных вариантов греческого, которая начинает складываться в XVIII в., — кафаревусы, ориентированной на нормы древнегреческого литературного языка и очищенной от тюркизмов, и димотики. Последний раздел третьей части, которому предшествует раздел, посвященный нормативному новогреческому языку (с. 462–466)⁴, показывает разнообразие стилей современного греческого языка. Не случайно автор сделал итоговым этот раздел, а не предыдущий, — он хотел продемонстрировать не только многообразие языковых регистров, но и возможность сочетания димотики и некоторых особенностей кафаревусы (с. 466–467).

Одним из главных достоинств этой работы являются параграфы, в которых описаны специфические особенности греческого языка Средневековья (в частности позднего) и оттоманского периода. А вот период иконоборческий и ему предшествовавший (VII–VIII вв.) требуют, на наш взгляд, более внимательного анализа, поскольку автор, называя эти два века периодом мрачным, темным («dark age» — с. 211), изолированность которого привела к большому культурному и религиозному разобщению с Латинском Западом, безусловно, передает образ Византии этого времени внутренне бедным, ограниченным, хотя нам известно, что в этот период (особенно в первой половине седьмого столетия) уста-

⁴ Отметим, что первое издание настоящей работы завершалось именно этим разделом.

навливаются широкие арабо-византийские связи и осуществляется взаимный культурный обмен, пусть поначалу и *ex necessitate, non ex voluntate*⁵.

Привлекает внимание и подстрочный английский перевод цитируемых фрагментов греческого текста, который, бесспорно, выполнен на очень высоком профессиональном уровне, но который, тем не менее, в некоторых местах требует развернутого авторского комментария. Например, цитату из речи Элия Аристида (II в.) в защиту ораторского искусства (с. 140) («Πρὸς Πλάτωνα περὶ τῆς ῥητορικῆς 78–79 (25 D)»): «ὃ γοῦν συνεγένετο Ἀναξαγόρα, οὐ τὰ κείνου τιμῆσας φαίνεται» — Дж. Хоррокс переводит следующим образом: «So though he did study with Anaxagoras, he clearly did not respect his teachings»⁶. Особое внимание автор уделяет значению относительного местоимения в форме датива единственного числа среднего рода ᾧ, которое он понимает как вводный местоименный союз и переводит уступительным союзом «хотя» — «while/whereas» (с. 140), в тексте — *though*⁷. Однако не вполне понятно, почему Дж. Хоррокс предпочел именно такое толкование для ᾧ и почему не логичнее было бы отнести его к Ἀναξαγόρα, с которым это местоимение может согласовываться (как грамматически, так и по смыслу).

Исследование опирается на богатую источниковую базу. Однако оценить это можно лишь при внимательном чтении книги, поскольку в работе отсутствует указатель цитируемых источников, наличие которого здесь нам представляется не только желательным, но и необходимым.

В книге очень хорошо освещается функционально-стилистическое варьирование языка греческой словесности в разные его периоды. Это особенно важно, потому что без этого никак нельзя полноценно осмыслить тип греческой языковой культуры, а также сущность ее влияния на европейскую культуру в целом.

Довольно трудно обнаружить и какие-либо оплошности, связанные с оформлением книги: так, подробное оглавление книги (с. v–xi) и алфавитный указатель (с. 493–505) служат превосходными путеводителями, позволяющими абсолютно свободно ориентироваться в пространстве книги, а прилежно составленная библиография может лишь убеждать в искренней любви автора к своему читателю и старательности. Отсутствовавшая в 1-м издании таблица с международной фонетической транскрипцией (с. xvii) позволяет читателю ясно понимать многие фонетические транскрипции, которые встречаются в этом исследовании.

Примечательно еще и то, что язык описывается автором неразрывно от его носителя (что означено в самой заглавии — «... and its speakers»), ведь всякий, кто пренебрегает этим аспектом, рискует представить язык «вещью в себе». Это делает работу доступной и ценной не только для филологов и лингвистов, но и

⁵ По необходимости, а не по доброй воле (лат. — Прим. ред.).

⁶ «Ведь хоть он и проходил обучение совместно с Анаксагором, очевидно, что учение его он не признавал» (*перевод мой.* — А. А.).

⁷ Отметим также и то, что Дж. Хоррокс рассматривает этот случай как пример употребления «тяжелых» («abstruse») словоформ и лексических конструкций, свойственных для атицизма, с целью усилить разрыв между литературным и письменным языком и произвести впечатление на собеседника своим знанием языковых глубин.

для широкого круга читателей вообще, что, безусловно, является достоинством работы.

Вне всякого сомнения, рецензируемую книгу следует считать значительным явлением в современной научной жизни. Она является прекрасным дополнением к давно уже ставшей (и несколько устаревшей и требующей дополнения) руководством по истории греческого языка работе Роберта Браунинга⁸. Все указанные недочеты не могут изменить общего весьма положительного и приятного впечатления от работы Дж. Хоррокса, вклад которого в развитие изучения истории классической, византийской и новогреческой филологии весьма значителен. И очевидно, что впредь мимо этой работы не сможет пройти ни один исследователь греческого языка. Несомненно, научные изыскания Дж. Хоррокса нуждаются в продолжении как в области языка церковной литературы, так и в сфере исследования греческого языка византийского и поствизантийского периодов в целом.

В заключение остается лишь добавить, что эта книга предназначена для студентов и аспирантов, преподавателей и исследователей, а также для широкого круга лиц, интересующихся историей греческой культуры и языка.

*А. В. Анашкин
(Москва)*

---

⁸ *Browning R.* Medieval and Modern Greek. (A reprinted edition of the 1-st and 2-nd one). Cambridge, Cambridge University Press; New edition, 1983.